

Переход на яхте в Венецию вокруг Апеннинского полуострова занял четыре дня и стал прекрасным путешествием, в течение которого герои повествования могли вполне расслабиться и отстраниться от проблем и волнений, преследовавших их в последние дни. Особенно это касалось Влада. Щёки его порозовели, он стал вальяжным и, в общем, пришёл в норму. Для Ильи же плавание оказалось незабываемым круизом: несмотря на то, что капитан держался подальше от берега, живописные панорамы то и дело возникали в поле зрения, разворачивая захватывающие картины средиземноморских пейзажей. Лючия отдыхала тоже. В обществе мужчин она чувствовала себя в центре внимания. Кают было три – одна для команды, вторая – для дамы, третья для Влада и Ильи. Правда, на третье утро Илья проснулся уже один, что произошло после весёлого ужина накануне, в продолжение которого бизнесмен сначала играл на гитаре испанские пьесы, а потом все пытался подобрать аккомпанемент песням Лючии, певшей их неожиданно звонким голосом.

Итальянка оказалась знатной сеньорой – происходила из знаменитого венецианского рода, правда, боковой, внебрачной линии. В двадцатые годы родители матери увлеклись марксизмом, вступили в компартию Италии и некоторое время жили в СССР, работая в структурах Коминтерна. Там же родилась и их дочь. Перед войной семью переправили на родину для ведения антифашистской борьбы, что спасло от сталинских лагерей. Мать и сейчас оставалась убеждённой коммунисткой, писала статьи в «Юнити». Ну а Лючи от матери досталась любовь к культуре России, сохранявшей византийскую традицию гораздо дольше Европы.

– Параллельность судеб двух ветвей христианства, выросших из одного корня, очень показательна... я стараюсь развивать эту тему, правда, мало кому она интересна, – рассказывала Лючия.

– Недавно была грандиозная выставка в Пушкинском музее, посвящённая этим связям, – заметил Илья.

– Называлась «От Джотто до Малевича». Она экспонировалась в Риме тоже... Для меня это стало праздником. В Италии, как нигде видна преемственная связь ренессанса и византизма.

– Конечно, крестоносцы вывезли громадное количество ценностей из разграбленного Константинополя!

– Византия была уже обречена, а так её сокровища послужили базой дальнейшего развития... – быстро ответила Лючия...

Илья не стал спорить.

На третий день итальянка сказала:

– Сейчас идет карнавальная неделя. Через несколько дней празднуется ее завершение, так называемый «Толстый вторник». Меня приглашают на карнавал в одном знаменитом палатце. Если хотите, можете составить компанию...

Мужчины пришли в восторг от такого предложения.

– Но там нельзя оказаться просто так. Все участники должны явиться в костюмах, будет конкурс...

– Разве трудно купить маску прямо на улице? – наивно спросил Влад.

Лючия покачала головой:

– Нас зовут на серьёзное мероприятие, и следует хорошенько постараться, чтобы, как говорят в России, «не ударить лицом в грязь». По приезде на место надо будет немедленно заняться этим вопросом. У меня есть несколько идей и надо подумать, как их лучше воплотить в жизнь. Моё увлечение Россией определило тему, а вы оказались как раз кстати...

Было немного обидно услышать такое заявление, но все промолчали.

– Традиция карнавала предписывает нарушение обыденного порядка вещей: рабы становятся господами, умные – дураками и так далее. Мы с вами поменяемся ролями: вы станете дамами, а я соответственно приму вид мужского пола. Я выбрала себе образ русского богатыря Ильи Муромца...

– На Илью ты не тянешь по комплекции, – возразил Влад, а вот на Алёшу Поповича могла бы рассчитывать...

Лючия поджала губки, но возразить было нечего.

– А вас нарядим матрёшками!

– Как матрёшками? – воскликнули русские в один голос.

– Да, сделаем платья на обручах, косы привяжем...

Мужчины были обескуражены таким обломом...

Она заметила их растерянность.

– Вы не понимаете, чем смешнее и парадоксальнее образ, тем интереснее. Вот посмотрите, я набросала эскиз.

На листе бумаги был изображён маленький воин с копьём и шишковидным шлемом, а рядом стояли две толстые бабы на две головы выше богатыря.

– Ну что ж, ты, наверное, права – дурачиться, так дурачиться! – сказал Влад.

На пятый день вошли в Венецианскую лагуну. Сквозь туман постепенно угадывались столь знакомые с детства силуэты морской столицы: громады храмов Сан-Джорджо-Маджоре и Санта-Мария-делла-Салоте, Кампонарио Сан-Марко, клетчатая стена дворца Дожей.

Яхта причалила к набережной на южной стороне города, недалеко от обещанной Люцией квартиры. Хозяев не было, четыре комнаты оказались в полном распоряжении беглецов.

Два дня перед Толстым вторником прошли в весёлом сочинении костюмов. Лючия и Илья резали и клеили бумагу, сшивали ткани, приделывали пластмассовые накладки, а Владимир аккомпанировал им игрой на гитаре.

Четвёртого марта не спеша двинулись по городу в сторону Сан-Марко. Итальянка профессионально вела экскурсию, рассказывая истории, связанные с домами, каналами и площадями. Повсюду их окружала пёстрая толпа, в большинстве своём уже принаряжённая в маскарадные костюмы.

К семи часам приблизились к палаццо Ка д'Оро – «Золотому дворцу», одному из прекраснейших домов Венеции.

– Здесь находится галерея барона Джорджо Франкетти, восстановившего дворец в конце XIX века... Кстати, незадолго до него хозяином палаццо был князь Трубецкой, – добавила Лючия после некоторой паузы.

Компания прошла в здание. В зале на втором этаже было полно публики в самых причудливых одеяниях. Если на улицах города преобладали стандартные костюмы и традиционные маски – Баута, Коломбины, Доктора Чумы, персонажей комедии Дель Арте, то здесь фантазия не знала границ. Участники редко выступали в одиночку, предпочитая являться тематическими группами. Так, в сторонке стояла четвёрка египетских богов, в другом месте тусовалось девять карт бубновой масти под предводительством туза. Некоторые затей масок были крайне сложны и наворочены, а у других их не было вообще: одна пара выступала в костюмах Адама и Евы. Правда, приглядевшись, становилось понятно, что Еву изображал мужчина, а Адама – женщина...

– Нам надо переодеться, – Лючия взяла Влада и Илью за рукава и потащила по деревянной лестнице, уводившей на третий этаж. Там обнаружили специальные комнаты для переодевания.

Влад и Илья предстали необъятными матрёхами с широкими задами и тыквообразными грудями, набитыми поролоном. Лица их закрывали полумаски с громадными синими глазами и гигантскими расплахнутыми ресницами. Русые косы обвисли вокруг голов в несколько колец. Лючия смотрелась рядом с ними изящным воином. Верхняя часть её лица скрывалась шлемом с прорезями для глаз, а рот и подбородок украшали приклеенные усы и борода. В таком виде русские персонажи появились на празднестве.

Гостей становилось всё больше, но это не мешало рассматривать выставку картин и скульптуры, развёрнутую в большом зале второго этажа, имевшего громадную застеклённую террасу, выходящую на Гранд-канал.

Произведения были скабрёзного характера. В витринах пузатились греческие вазы с непристойными росписями. Мужчины и женщины на них совокуплялись самым невероятным образом. Тут же демонстрировались фрагменты римских фресок со сценами гомосексуального характера. Боковые залы были отданы эротическому искусству экзотических стран: китайской пластике, японской гравюре, индийской миниатюре, традиционным изваяниям африканских и индейских мастеров. И здесь царили извращённые и гротескные формы – зоофилия, некромантия, всевозможная физиологическая патология.

– Куда ты нас привела? – озадаченно спросил Илья.

– Идёт карнавал, законы вывернуты наизнанку. Что невозможно в обычные дни, сегодня освящено традицией. Кстати, во дворе музея установлено «Яблоко» вашего знаменитого скульптора. В этом году оно станет, как я слышала, центром праздника.

Действительно, входя в палаццо, Кукушкин заметил внушительное творение Зураба Константиновича, виденное им в Москве, в галерее на Пречистенке. Размерами с небольшой домик, снаружи оно представляло авангардный объект с вырезанными квадратными сегментами, сквозь которые проглядывали

элементы внутренней конструкции. Кое-где в них висели маленькие яблочки. В большое яблоко можно попасть через специальную дверь. Внутри на постаменте, как помнил искусствовед, находились фигуры прародителей человечества, созданные с большим мастерством, а стены – заполнены рельефами, воспевавшими любовный акт. Создатели индийского храма в Каджурахо могли позаимствовать эротической фантазии их автора.

Около девяти часов всех пригласили спуститься вниз. «Яблоко» возвышалось во дворе под открытым небом, рядом с ним виднелась сцена, а в галерее на роскошном мозаичном полу рядами стояли стулья.

Гости расселись повсюду, где можно было приткнуться, но многим пришлось остаться на лестнице, спускавшейся со второго этажа. Все до одного были в костюмах, делавших их абсолютно неузнаваемыми.

В многоголосии языков и наречий – конкурсанты съехались со всего мира – слышалась русская речь с прибалтийским акцентом. Два мужских и один женский голоса доносились из-под масок тевтонских рыцарей. Русский богатырь, матрёшки и крестоносцы сели рядом.

Между тем, празднество началось. Заиграла музыка, напоминавшая церковные песнопения. Сцена осветилась прожекторами, и на неё вышел ведущий вечера – персонаж, одетый в костюм Фавна. На голове у него была соответствующая маска с загнутыми назад шипарными рогами. Всё тело покрывала козлиная шкура, становившаяся чрезвычайно мохнатой ниже пояса. Сзади был привязан хвостик, украшенный лентой, а спереди в космах шерсти болтались металлические погремушки. Козёл заговорил женским голосом, что было уже совсем не удивительно.

– Леди и джентльмены, начинаем наш праздник, – радостно сообщил Фавн.

Дальше было трудно понять, но можно догадаться, что речь шла о предстоящем конкурсе. Раздались аплодисменты. На сцену поочередно стали выходить группы масок. Илья и Влад могли только удивиться откровенности нарядов, демонстрируемых участниками.

Наступила очередь русской группы. Втроем они поднялись на сцену и прошлись несколько раз туда-сюда. Коса Влада сбилась на сторону и едва держалась на голове. В зале слышался смех: русская тема на венецианских подмостках смотрелась не менее экзотично, чем костюмы папуасов или бушменов пустыни Калахари.

Проход участников длился более часа. Жюри в масках членов Совета Десяти¹ выставляло оценки. После небольшого перерыва огласили итоги: выбрано было двенадцать финалистов, включая и русскую группу. Теперь каждый костюм оценивался отдельно по женской и мужской номинации. Победителями были признаны блестящая чешуёй русалка и орёл с невероятным подбором разноцветных перьев.

Но это был ещё не конец: впереди ждала самая интригующая часть. Гости встали со своих мест, и появившиеся служащие стали раздвигать стулья, освобождая пространство. Как оказалось, для танцев. Персонал, также скрытый под масками, выглядел очень странно и непрофессионально. Некоторые субъекты отличались впечатляющей тучностью, другие были сгорблены, третьи смотрелись явно перезревшими для своей роли. Работа у них не клеилась, и гости, не стесняясь, шипали на бедолаг. Расставив мебель, те же личности стали исполнять роль официантов. Крайне неукложе они разносили подносы с бокалами искрящегося вина, кого-то даже облили. Все присутствующие взяли по фужеру и после произнесённого со сцены приветствия выпили единым махом. Напиток был не простым шампанским. Мысли закружились в сладостной эйфории. Сознание выскользнуло из-под контроля, понеслось вихрем по времени, то ускоряясь и перепрыгивая десятки минут, то концентрируясь с необыкновенной ясностью на самых малозначительных деталях. При этом координация никак не страдала: движения оставались чёткими и уверенными, и никто из гостей не валился с ног.

Музыка усилилась. Присутствующие закружились в танце. Зажигательный ритм возбуждал, вводил в транс, а орнамент пола казался магической субстанцией, разрывающей время и пространство. В общей толпе Влад и Илья старались не потерять Лючико из виду. Своё копые она оставила где-то в углу и теперь переходила из рук в руки, очаровывая партнёров тонкой улыбкой, которой усы и борода лишь добавляли соблазнительной прелести. Матрёшкам же было жарко и неповоротливо в своих поролонах. Особенно донимали груди, норовившие выскочить из-под ситцевых сарафанов. Впрочем, всё это не мешало ощущению необыкновенного подъёма.

В какой-то момент танцевальный ритм сменился величественной и трогательной мелодией, уносящей мысль в небесные высоты. Электрический свет погас, уступив место горящим факелам в руках всё тех же неумелых служащих. Гости выстроились в форме спирали, обвивающей Яблоко, и опустились на колени. Шесть мужских и шесть женских масок из призов конкурса встали в колонну по двое, держа друг друга. В свободных руках у них были зажжённые свечи. Лючико оказалась среди них. Колонна, возглавляемая Фавном, теперь уже облачённого в мантию малинового цвета и с золотой тиарой на голове, двинулась по живому коридору, образованному стоящими на коленях гостями. Русалка и Орёл шли за предводителем, а два самых грузных факельщика завершали шествие.

Пройдя все круги спирали, процессия достигла портала Яблока и остановилась. Козёл раскрыл книгу и начал читать по-латыни. После каждого абзаца собравшиеся вполголоса произносили «Омен».

Действие чудесного напитка смазывало время, не позволяло оценить длительность ритуала. Наконец, молитва кончилась, стало тихо. Лишь дальние звуки городского веселья слегка тревожили слух молящихся. Вдруг ночную мглу разорвал бой курантов, отбивавший двенадцатый час. Тринадцать масок запели гимн и вместе с факельщиками скрылись в проёме инсталляции.

Влад и Илья из второго ряда видели, что в центре Яблока был установлен постамент, напоминавший одновременно и престол, и ложе. Бронзовые фигуры Адама и Евы сомкнули над ним руки. Русалка и Орёл, держа свечи, встали с двух сторон от престола, а фавн подобно священнику на литургии – перед ним. Остальные участники разместились по внутренней стене Яблока и стали невидимы.

Козёл снова принялся читать книгу. Потом, обратившись к русалке, возвел её на престол. Русалка легла навзничь, сложив на груди руки. Потом та же участь постигла и Орла. Козёл ещё почитал книгу, прозвучало «Омен!», и двери затворились. Музыка перешла на самые возвышенные ноты Ave Maria Шуберта. Факелы во дворе погасли, и все оставшиеся снаружи очутились в полной темноте. Лишь мечущиеся лучи света, проникавшие сквозь щели Яблока, позволяли догадываться о том, что происходило внутри.

Трудно судить, как долго тени прыгали по стенам двора Ка д'Оро. Внезапно изнутри раздался сдавленный крик. Его перекрыл удар колокола. Заграла органная музыка. Некоторое время спустя, двери Яблока раскрылись, и маски, свершившие таинство, стали выходить по очереди в обратном порядке. Последним шёл Козёл. Вновь пройдя всю спираль, они удалились на второй этаж палатцо. Гости поднялись с колен и последовали за ними. Влад и Илья также пошли, чувствуя, что основательно замерзли за это время.

В зале приёмов уже ждала трапеза. Заметив тевтонцев, сидевших за отдельным столом, подошли к ним. Свои страшные шлемы они сняли, но полумаски оставались на лицах.

– Не видели нашего богатыря? – спросил Кукушкин.

– Э, не волнуйся, он сам появится здесь: «избранные» войдут в зал последними. Присоединяйтесь пока к нам! – сказал старший.

– Вы первый раз принимаете участие в карнавале? – спросил другой тевтонец девичьем голосом.

– Да, нас позвали почти в последний момент.

– И как впечатление?

– После феномена Гарри Поттера стали модны подобные исторические реконструкции... – заметил Илья.

Тевтонцы все разом посмотрели в его сторону.

– При чём здесь Гарри Поттер? Этой мистерии, по меньшей мере, семьсот лет фиксированной традиции, а корни её теряются ещё в Римских сатурналиях.

– Вы хотите сказать, что всё это не просто конкурс клуба любителей исторических игр?

Тевтонцы стали нервно обсуждать что-то между собой на литовском языке, явно относящееся к русским участникам.

– Видно, вы здесь новые люди и вас не успели подготовить, – заговорил их главный. – Посмотрите вокруг – в каком месте вы находитесь? Это один из лучших дворцов Венеции. Он не предназначен для балаганов. Посторонние сюда не попадают... кроме, может быть вас. Это на Сан-Марко идёт карнавальное шоу, куда продают билеты туристам. Нет, господа хорошие, здесь компания совершенно другого уровня...

Тут появилась Лючия, и матрёшки были спасены. Поговорив с ней пару минут, рыцари успокоились и уже смотрели на россиян почти дружелюбно, хотя и несколько иронично. Девушка-тевтонка, лучше других говорившая по-русски, стала просвещать:

– Карнавал не просто весёлый праздник. В его основе лежит мистическая идея *Божественной полноты*.

– А что же церковь? Разве она не проповедует универсального Бога? – возразил Илья.

– Тринитарный догмат несёт в себе искусственное умаление Творца. Он игнорирует *четвёртую* составляющую.

– Объясни подробнее, что ты хочешь сказать?

– Богословам удобно, чтобы учение о Троице понималось абстрактно, в качестве символического догмата. На самом деле, ипостаси совершенно *конкретны*. Они отражают онтологическое строение мира. Отцовская ипостась – воплощает концептуальную составляющую Бытия. *Отец* – это мысль, разлитая во Вселенной. Она одновременно везде и нигде конкретно. Отец – это мировой разум, творящий *представление* обо всём на свете. Из всего живого на свете только ум человека способен контактировать с ним, улавливая его отблески лишь в самой малой степени. Вторая ипостась, *Сын* – *матрица* всех видимых и невидимых сущностей, составляющих мир. Звёзды и планеты, моря и горы, насекомые и млекопитающие вплоть до человека созданы по Его кодам. Но все они остаются мертвы без дыхания животворящей третьей ипостаси. *Святой Дух* – это *чудотворная* энергия, наполняющая Мир.

Кукушкину стало понятно, что тевтонка излагает какую-то гностическую концепцию, о которой он читал у Карла Юнга, но спорить не стал.

– Ну, а четвёртому лицу где тут место? – недоумённо спросил Влад, немного подумав.

– Четвёртая ипостась отражает общественное бытие, *суету повседневной жизни*. Князь мира сего, Люци-

фер сошёл на Землю для приготовления искупительной миссии Христа. В его задачу входило создание исторических цивилизаций.

– Но Люцифер – инфернальная сущность. Как зло может быть частью Бога?

– Во-первых «зло» – понятие относительное: один потерял сто евро, а другой нашёл. Первому – горе, а второй сияет как медный таз... это шутка, конечно. Главное в другом: как Бог может считаться Универсумом, если Он чего-то *не содержит в себе*?

– Дьявол не имеет субстанции. Максим Исповедник сравнивал его с тенью, – заявил Илья.

– Это чистая софистика. Тень также не существует помимо Бога.

– Ты хочешь сказать, что Люцифер, наряду с Саваофом, Христом и Святым Духом является четвёртым лицом Единого Бога?

– Да, это так. Просто это знание содержится в тайне, оно не должно быть уделом профанов. Впрочем, ваш Малевич изобразил Четверицу в своём знаменитом «квадрате». Углы соответствуют ипостасям, – подмигнув, сказала девушка-рыцарь.

– Теперь я понимаю, отчего он так популярен, – протянул Влад.

– Во власти Люцифера находятся *социальные отношения*. Обществом правит жестокий расчёт, интриги, алчность и подлость. Князь мира сего устанавливает принципы, лежащие в основе поведения людей. Но представьте себе обратное: люди не знали бы этих пороков... и где бы мы были в своём развитии? Очевидно, там же, где и доисторическое первобытное население. Порок – двигатель цивилизации.

– Извини, но мне твои слова кажутся откровенным богохульством. С чего ты взяла, что дьявол это часть Бога?

Тевтонка вздохнула так, как вздыхают, когда говорят с полными идиотами:

– В Библии написано, что Сатана любимый ангел Господа, как потом про Христа будет сказано, что тот возлюбленный Сын. Эта параллель уже говорит о многом. Бог, знающий будущее, не может любить отступника. Просто ему поручена особая миссия. Сатана заставляет нас шевелиться. Может быть, поэтому мы не любим его?

– Но почему он должен быть частью Бога?

– Повторяю ещё раз. Бог един и неделим – точка. Но мы Его видим в четырёх лицах, по числу базовых проявлений в мире, которые я тебе описала. Три из них признаны церковью, четвёртая, самая укоренённая в нас, кажется демоном потому, что *испытывает* наш ум и нашу твердость. Просто у него роль такая...

– Люцифер устраивает общественное бытие, а мы ему платим ненавистью?

– Именно так. И древние, чтобы подчеркнуть это, установили особый ритуал *показной ненависти*, скрывающий истинное поклонение! Власть «Князя мира сего» безгранична в среде цивилизованных народов. Каждый почитает его втайне, хотя прилюдно отрещивается от своего кумира. Чтобы убедиться в этом, достаточно перестать слушать слова и посмотреть на действия людей, на их стремление к славе, власти и богатству.

– То есть дьявола специально представляют с рогами и копытами, чтобы скрыть истину. На самом деле он кроется в самом устройстве нашей жизни...

– Запомни правило разведчика: если хочешь постичь истинные мысли человека, следи за тем, о чём он *умалчивает* или что *отрицает*. Только дурак пересказывает свои думы всякому встречному-поперечному...

– А можно привести конкретный пример?

– Пожалуйста. Ты, кажется, художник? – обратилась она к Кукушкину.

– Нет, искусствовед.

– Прекрасно, это тоже подходит. Давай посмотрим, что являет собой произведение искусства, впрочем, как и любой другой социальный феномен? Очевидно, он включает *четыре* составляющие. Первой, несомненно, будет *идея*, концепция, некое послание, озаряющие художника и потом транслируемые им в мир. Это – отцовский вектор.

Вторая составляющая – визуальная реализация, то есть *форма*. Выбор стилистического направления и материалов, умение художника рисовать, добиваться живописных эффектов, смешивать краски – одним словом, профессиональное мастерство. Это – компетенция Сына.

Третья часть – *одухотворенность*: живописи противопоставлены голые схемы, идеи должны быть облечены в чувственные одежды. Но чувственность – не просто сентиментализм, способность произведения воздействовать на эмоции зрителя. Любое изображение – это пучок энергии. Часто слышатся фразы: «Какая светлая, тёплая картина, как она радует глаз!» или «Эта скульптура давит на психику!», – последние фразы девушка произнесла притворно-пафосным тоном. – Зритель подсознательно ощущает энергии мира, отражающиеся в произведениях искусства, изначальным источником которых является Святой Дух.

И четвёртая составляющая связана с *повседневностью*. Это биография произведения: согласование условий заказа, получение аванса, приобретение материала, поиск производственной базы и исполнителей, приём готового изделия и оплата, условия демонстрации, сохранность, освещение в СМИ и так далее. Не будем лукавить, эта часть самая важная для его создателей, хотя эстеты и морщат носы по её поводу.

Без заинтересованности социума, без его материальной поддержки искусство влачило бы жалкое существование в виде самостоятельных инициатив.

– Эстет морщится, пока разговоры о материальном носят отвлечённый характер. Но как только про-
сишь его написать статью, почему-то сразу интересуется гонораром, – подтвердил Влад, косясь на Илью. –
И в чём же причина утаивания истины?

Тевтонка помолчала, очевидно, раздумывая, стоит ли просвещать попавшихся ей профанов. Но по-
том, видимо, решилась:

– Всё дело в том, что на самом деле в мире царствует именно четвёртая ипостась – Люцифер, Князь
мира сего. Не случайно его зовут так... Не знаю, надо ли это вообще доказывать?

– Неплохо бы...

– Хорошо, давайте подсчитаем удельный вес ипостасей в нашей жизни. Это легко сделать на при-
мере художественного произведения. Цена копии известной картины составляет несколько процентов
от стоимости подлинника, хотя и сюжет, и форма, и энергетика у них абсолютно одинаковые, если
даже эксперты с трудом выявляют подделку. Например, в 1972 году подлинность картины Рембрандта
«Портрет молодой женщины в чёрном берете» была поставлена под сомнение международной комис-
сией, исследующей творчество великого голландца. После такого определения стоимость её составляла
не более 40 000 долларов. Позже картина была очищена и проанализирована заново. Та же комиссия
отозвала своё решение и объявила об авторстве Рембрандта. В 2007 году портрет был продан на Сотбис
за 9 миллионов долларов, то есть в 225 раз дороже! Значит, удельный вес живописи в сумме с трёхсотлетней
древностью полотна, которую никто не оспаривал, потянул всего лишь на пол процента от стоимости
имени Рембрандта. Вот вам точная математика.

Спрашивается, почему такая разница? Ответ: потому что имя известного автора раскручено прес-
сой, прославлено многочисленными публикациями. Какое отношение имидж имеет непосредственно
к сущности картины? Практически никакого: он составляет лишь информационное облако, окружающее
подлинник. Но значение его, как мы видим, огромно. Следовательно, и «вес» четвёртой ипостаси в жизни
столь же велик. На долю остальных ликов вместе взятых остаётся ничтожная часть...

– Какая странная арифметика, – обескураженно произнёс Кукушкин. – Но разве христианская церковь
не стоит на страже Триипостасного Бога?

– Заметь ещё раз, все четыре ипостаси в совокупности являются Богом. Без любой из них Он пере-
стаёт быть Универсумом. А церковь – слепок общества, и корпоративные интриги в ней ещё со времён
апостолов занимают центральное место – явное действие Люцифера, проникшего в храм с заднего входа
после того, как перед ним захлопнули парадную дверь.

– И что из этого следует?

– Я тебе пытаюсь объяснить значение карнавала. Триста шестьдесят дней в году царствует Князь
мира сего. И только в оставшиеся дни, в те несколько процентов, о которых мы говорили, отдаётся долж-
ное всем ипостасям. Мир переворачивается с ног на голову, дьявол умалется, а Разум, Плоть и Энергия
правят бал. Фавн в образе Люцифера встаёт за алтарь и *служит* первым трём ипостасям!

Кукушкин совершенно обомлел.

– С каких пор распущенность стала символом Бога?

– Ты, вероятно, имеешь в виду нравственную свободу карнавала?

– И конкретно, сексуальную...

– Пойми, именно ханжество – главный искус Люцифера. Великая мистерия, восстанавливающая акт
творения, по сути, являющаяся иконой бога, закована в цепи юридической казуистики! Узаконенное супру-
жество стало способом передела имущества и недвижимости. Что может быть большим надругательством
над священной мистерией зарождения новой жизни? Нигде дьявол не чувствует себя так комфортно,
как в области юриспруденции, призванной как будто для укрощения зла.

– Признаться, я первый раз слышу подобное, – окончательно сбитый с толку, протянул Влад.
Ну и как сегодняшнее действо восстановило благодать?

– Карнавал – это переворот сознания, рабы становятся господами, господа – слугами: ты обратил
внимание на официантов, раздававших бокалы и державших факелы? Если приглядеться – все они весьма
уважаемые лица в мире бизнеса и политики.

– А «Чёрная месса», как я понял, происходившая внутри Яблока, что символизирует?

– Она символизирует *полноту бытия*. Все четыре ипостаси собираются вместе, под сенью которых
человек совершает главный акт своей жизни – уподобление Единому Творцу.

– А-а-а, – протянул Илья. – Мне начинает проясняться смысл эротической выставки, развёрнутой
здесь... А что, в Яблоке действительно происходило то самое? – запнулся он, не зная, как удобнее сфор-
мулировать вопрос.

– Много будешь знать – скоро состаришься, – отрезала Лючия, до сих пор не мешавшая разговору.

¹ Совет Десяти – высший орган управления Венецианской республики в XIV-XVII веках.